

Отже, при реалізації стратегії каузації люди похилого віку часто вдаються до посилання на власний життєвий досвід, досвід людства в цілому. Є тенденція підбивати підсумки свого життя, апелювати до загальнолюдських чеснот, цінностей: честі, гідності, правди.

Отже, вікові фактори впливають на реалізацію каузації у процесі спілкування, оскільки вікові особливості, життєвий досвід, рівень культури, знань детермінують тактику мовленнєвої поведінки мовців та визначають вибір вербальних та невербальних каузативів для досягнення бажаного комунікативного ефекту. Так, реалізуючи стратегію каузації, діти, властиво, вживають просту, інколи примітивну лексику та синтаксичні конструкції, що зумовлено простим антонімічним відношенням до подій, які відбуваються навколо. Підліткам властиво вживати максималістські твердження, вдаватися до конфліктності та ігнорувати аргументи дорослих, відстоювати свою точку зору, спираючись на власні емоції. Людей похилого віку характеризує посилання на власний життєвий досвід, принципи людини, людства в цілому. Спостерігається апелювання до загальнолюдських чеснот, цінностей.

ЛІТЕРАТУРА

1. Краткий психологический словарь / [Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского]. – М. : Политиздат, 1985. – 431 с.
2. Almost Famous [Електронний ресурс]. – Доступ до джерела :
3. <http://www.imsdb.com/scripts/Almost-Famous.html>
4. Hunt M. The Universe within / Morton Hunt // A new science explores the human mind. - Brighton : Harvester Press, 1982. – 415 p.
5. McDonnell D. Theories of discourse / D. McDonnell. – Oxford, 1986. – 258 p.
6. Meet Joe Black [Електронний ресурс]. – Доступ до джерела : <http://www.imsdb.com/scripts/Meet-Joe-Black.html>
7. Sixth Sense [Електронний ресурс]. – Доступ до джерела :
8. <http://www.weeklyscript.com/Sixth%20Sense,%20The.txt>
9. Trudgill P. Sociolinguistics. Introduction to Language and Society / Peter Trudgill. – Harmondsworth : Penguin, 1995. – 204 p.

УДК 821.161.1-1'18'

Котенко Ю.В.
(Харьков, Україна)

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА РАННЕЙ ЛИРИКИ Н. МИНСКОГО

Стаття присвячена дослідженню особливостей психологізму в поетичній творчості М. Мінського. Розглянуті різні форми психологічного аналізу в ліриці поета, серед яких – внутрішній монолог, образи двійників, сюжетне розгорнення рефлексії. Показано,

що саме ці форми психологізму були зумовлені природою художнього конфлікту в поезії Мінського.

Ключові слова: лірика, психологічний аналіз, внутрішній монолог, рефлексія, художній конфлікт.

Статья посвящена исследованию особенностей психологизма в поэтическом творчестве Н. Минского. Рассмотрены разные формы психологического анализа, среди которых – внутренний монолог, образы двойников, сюжетное развертывание рефлексии. Показано, что именно эти формы психологизма были обусловлены природой художественного конфликта в поэзии Минского.

Ключевые слова: лирика, психологический анализ, внутренний монолог, рефлексия, художественный конфликт.

The article is devoted to the research of peculiar features of psychologism in N.Minsky's poetry. Different forms of the psychological analysis, among which – an internal monologue, images of doubles, narrative expansion of a reflection are considered here. It is shown, that exactly these forms of psychologism were caused by the nature of the art conflict in Minsky's poetry.

Key words: lyrics, psychological analysis, internal monologue, reflection, art conflict.

Н. Минский традиционно считается поэтом, унаследовавшим народнические идеалы и стремившимся отразить их в своем раннем творчестве. Однако его дальнейшая эволюция дает основание предположить, что уже в начальный период формирования своей художественной системы Минский переосмыслил традиции народнической поэзии. Это нашло выражение и в изменении акцентов в мотивно-тематическом содержании лирики поэта, и в постепенном переносе основного внимания с проблем современного ему общества на внутреннее состояние героя. Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью подробного изучения эволюции взглядов поэта, потребовавшей усиления психологических мотивировок образа лирического героя.

Ранняя лирика поэта относится к тому периоду развития русской литературы, когда еще не угасли отголоски прежних социально-политических настроений в обществе, но уже формировался новый тип личности. Не случайно в поэтическом творчестве Минского и многих его соратников по перу меняется лирическая тональность, усиливается рефлексивное начало, смещается аксиологический вектор самооценки. Целью нашей статьи и является исследование своеобразия психологизма в лирике Н. Минского.

Проблема соотношения внутреннего мира человека с внешней действительностью, особенности его душевных переживаний, эволюция характера героя всегда вызывали интерес исследователей как русской, так и зарубежной литературы. Наиболее известными работами в этой области науки о литературе можно назвать труды Л.Я. Гинзбург, В.В. Компанейца, А. Иезуитова, А.Б. Есина. Психологизм в прозаических произведениях стал предметом внимания таких ученых, как В.А. Грехнев, Н.Л. Степанов, Б.П. Городецкий, Д.Д. Благой, Е.Г. Эткинд. Однако психологизм в лирике еще недостаточно изучен. В связи с этим возникает необходимость серьезного исследования способов психологического изображения внутреннего мира героев лирического произведения на материале индивидуальных поэтических систем.

А.Б. Есин в своей книге «Психологизм русской классической литературы» называет несколько форм психологического изображения героя. Наиболее востребованной, как пола-

гает ученый, является прямая форма, которая может выражаться с помощью таких средств, как внутренний монолог, включающий в себя психологический самоанализ, авторское психологическое изображение (авторское описание и психологическое повествование) и специфические формы с использованием снов, видений, образов двойников. Наряду с ней, по мысли А. Есина, существует и косвенная форма психологического анализа, направленная на раскрытие внутреннего состояния героя с помощью выразительных средств внешнего проявления психики (речевое поведение, мимические средства) [1: 14 – 43]. В своей работе мы будем опираться на классификацию, предложенную ученым.

Переходный характер развития русской литературы, пришедшийся на 80 – начало 90-х гг., моделировал новое мироотношение. Акцент постепенно смещался с общественных интересов на осмысление человеческого самосостояния. Интравертность лирического героя реализовалась и в тех рефлексивных конструкциях, которые составляли основу стихотворений, и в актуализации темы двойничества, позволяющей сопоставить два противоборствующих начала в душе человека. Все вышесказанное обусловило психологизацию поэтического творчества Минского. Психологический анализ внутреннего состояния лирического героя становился инструментом исследования и современной поэту действительности.

Если сравнить лирику Минского с поэзией Некрасовской школы, то мы увидим иную природу художественного конфликта. У Некрасова большинство произведений строится на изображении социальных отношений. Анализ внутреннего мира лирического героя уступает место в его поэзии установке на воспроизведение состояния российского общества. Отсюда и множественность объективированных или ролевых, если воспользоваться терминологией Б. Кормана, персонажей. Основным художественный конфликт в творчестве поэта – это конфликт человека с обществом, а не с самим собой. Отсюда – превалирование внешнего, общественного конфликта в его поэзии над внутренним, психологическим.

Иначе обстоит дело у Минского. Его лирический герой, хотя и детерминирован той исторической эпохой, продуктом которой он является, но противостоит самому себе. Собственные нравственные качества, не позволяющие сформировать активную общественную позицию, становятся предметом внутреннего конфликта лирического «я». Все внимание переключено на внутренний мир героя, на его самооценку и поведенческие интенции.

Для творчества Минского характерны скорее неоромантические, чем реалистические тенденции. В этом смысле его поэтические произведения ближе к лермонтовским, чем некрасовским. Тому были и свои причины. Общественная атмосфера конца XIX века переключалась с настроениями не только либерально-демократического периода развития гражданского общества в России, но и с постдекабристским периодом. Наступившая реакция после восстания декабристов в чем-то предвосхитила те процессы, которые происходили в русском обществе после разочарования в народнической идеологии.

И Лермонтов, и Минский создавали свои произведения в условиях утраты обществом прежних ценностей. Но для Лермонтова идеалы декабризма несколько не потускнели, а, напротив, оставались поводом для упрека в адрес своих современников, отступивших от этих идеалов. Для Минского же ситуация складывалась еще трагичнее: под сомнение ставилась не только возможность человека противостоять общественной деградации, но и

сами народнические способы изменения действительности. Не случайно вопросом о целесообразности деятельности во имя народных интересов поэт задавался неоднократно.

В лирике Н. Минского ведущее место занимает прямая форма психологической характеристики героя. Интерес к внутренней жизни человека будет сохраняться на протяжении всего творчества поэта. Но именно ранние его произведения наиболее ярко демонстрируют становление внутреннего мира лирического героя. Чувства, страхи и рефлексии Минский передает не только через внутренний монолог («Напрасно над собой я делаю усилия», «Дума», «Песни о родине»), в котором представлен самоанализ героя, но и с помощью излюбленного приема внедрения двойников в структуру стихотворений («Другу», «Мой демон», «Белые ночи. Ночь 3, 5»). Объективирование определенных интенций лирического героя позволяет активизировать такую форму психологического анализа, как диалог лирического «я» с самим собой, но осмысленном в отстраненном образе. В результате скрытые состояния души героя как бы эксплицируются вовне.

Большинство стихотворений Минского представляют собой развернутый монолог рефлектирующего героя. Так, в сборнике «Стихотворения» 1887 года лирический герой раскрывается как думающая и переживающая личность своей эпохи. В 1885 году Минский пишет стихотворение «Напрасно над собой я делаю усилия». Лирический герой этого произведения предстает в виде страдающего человека, не способного что-либо изменить ни в собственном состоянии, ни в окружающем его мире. С первых строк стихотворения он восклицает: «Напрасно над собой я делаю усилия, чтобы с души стряхнуть печали тяжкий гнет».

Монолог лирического героя демонстрирует его разочарование в жизни. Это чувство стало доминирующим в поэзии 80-х начала 90-х годов, генетически восходящей не только к демократическим традициям предшествующей эпохи, но и к мотивам лирики С. Надсона. Не случайно призывы к борьбе, к верности прежним святыням постепенно уступают место покаянным настроениям, скептицизму по отношению к возможности изменения окружающей действительности, жалобам на собственное бессилие и т.п.

Психологическая драма лирического героя Минского заключается в том, что он не видит альтернативы современному общественному устройству. Опустошенная душа оказывается неспособной к подлинному творчеству. Единственная возможность выразить свои переживания – это обращение к бумаге, создание стихов. Но и этот способ оказывается недейственным: «и сам я не пойму, зачем, для чьей забавы ржу ее (печаль – Ю.К.) в цветной убор стихов» [2: 57].

Использование сравнений «как дым, как туман, как смерть» позволяет усилить ощущение потерянности, некоего состояния пограничности между реальностью и иными формами бытия. По христианской традиции дым символизирует кратковременность жизни, тщетность славы. Герой Минского задумывается над мгновенностью человеческой жизни, быстротечностью славы, ненужностью и тяжестью такого существования. Согласно мистическим верованиям символика тумана интерпретируется как переход от тьмы к просветлению. Душа героя должна пройти эту серую неизвестную зону. Здесь находятся, если воспользоваться терминологией синергетического анализа, вполне применимой к исследованию переходных состояний, точки бифуркации, характеризующиеся равновероятностью альтернативных исходов. И герою Минского нужно пройти этот туман, выбрать возможный исход.

Продолжением монолога, представленного в стихотворении «Напрасно над собой...», является стихотворение «Дума», написанное в том же 1885 году. Название этого произведения корреспондирует к одноименному лермонтовскому стихотворению, ставшему классическим выражением размышлений героя над смыслом человеческой жизни.

Своеобразие художественной индивидуальности Лермонтова отметил еще Белинский, назвав его «поэтом мысли». Характерно, что такое же определение давали современники и Минскому. Интеллектуализм сближал двух поэтов. Склонность к философским обобщениям, рефлексии, самоанализу определяла поэтическое лицо Н. Минского. Однако если лермонтовский герой – это передовой человек того времени, то герой Минского лишен этого авангардного свойства. Для него не характерен байронический пафос, он не выступает в роли титанической личности. Напротив, все его рефлексии самокритичны. Осмысление своего места в окружающем мире, переживание разрушения прежних ценностей, утрата идеала определяют поведение героя поэтических произведений Минского.

Между «Думой» Лермонтова и одноименным стихотворением Минского пролегло почти столетие. Лермонтов упрекал свое поколение в опустошенности, апатии, бездействии. Минский же изменения в общественных настроениях пытается объяснить иными причинами, переводя конкретное социальное зло в область философски-абстрактных понятий. Как и Лермонтов, духовное состояние общества он называет болезнью. Но причины ее развития Минский видит в утрате связи человека с вечностью, со вселенной. Под сомнение ставятся прежние ценности – мечты, любовь, борьба. Не случайно дважды повторяются горькие слова «Отрады нет ни в чем». Лирический герой Минского не испытывает интереса ни к чему: ни к «светочу знания», ни к «зареву свободы». Не влекут его больше воспоминания, мимолетное счастье. Даже в скорби он не находит отрады. Минский усиливает рефлексивное начало в своем герое, представляет его разочарованным и в себе, и в окружающих. Борьба за счастье «труженика», гражданские устремления и жертвенность осмысляются теперь как ложный путь. В мире царит хаос, поскольку «иссякли родники, питавшие потоки» любви и добра. Но хаос воспринимается Минским не как начальное жизнестроительное состояние вселенной, а как богооставленность нынешнего земного мира. Примечательна последняя строка стихотворения: «Но Божий дух над ним, как прежде, не парит...». Разрушились не просто святыни, идеалы героя, но исчезла вера в Бога, всепрощающего и помогающего.

Мотивы разочарования проходят через многие стихотворения раннего периода творчества Минского. Одним из наиболее ярких произведений этого рода является стихотворение «Ноктюрн», в первой своей публикации носившее название «В минуту скорби». Бессонница, полуночные страхи, нахлынувшие воспоминания светлого детства, потребность в дружеской поддержке составляют содержание ночных размышлений героя. Однако друг не приходит на помощь, а причины отчуждения герой усматривает в собственном характере. Надежды и мечты уступают место его трагической самооценке: «Если души всех людей / Таковы, как и моя, / Не хочу иметь друзей, / Не могу быть другом я».

В 1884 году вышла в свет статья Минского «Старинный спор», которая расценивается как одна из первых, затрагивавших тему «чистой поэзии». Именно в середине 80-х происходит коренной перелом в мировоззрении поэта. Знакомство с творчеством Ш. Бодлера, П. Верлена и других представителей европейского символизма отразилось в образной системе лирики Минского. В его поэзии посленароднические мотивы скорби и

безысходности сомкнулись с декадентскими. Отсюда и обилие таких образов, как «тьма кромешная», «тоска рыдающего дня», «люди мрачные», «туманы серые», «ад суровый». Именно в этот период творчества Минского у него уже появляются элементы символизма, позже более ярко представленные в сборнике стихотворений «Новые песни». Формируется ощущение двойственности окружающей действительности, разлада с самим собой, что приводит к появлению двойников в сознании лирического героя. Эти образы, так же, как и внутренние монологи героя, шире раскрывают внутренний ход мыслей не только лирического героя, но и самого поэта.

Истоки мотива двойничества восходят к романтической поэзии. Характерен он и для всей поэзии символистов. Как полагает А. Ханзен-Леве, в поэзии символистов существует некая полярность, которая может выражаться наличием полюсов внутри каждой отдельной личности. Ученый выделяет два вида двойников: двойники-товарищи, alter ego героя, чувствующие и воспринимающие одинаково, и двойники – «другие», являющиеся полной противоположностью alter ego лирического героя. Для поэзии Минского, по мысли Ханзен-Леве, характерно наличие второго типа двойника, который внезапно появляется и преследует героя: «в поэзии Минского <...> двойник – это персонификация расщепления сознания, соответствующая расщеплению бытия в целом (на «да» и «нет», «добро» и «зло»). Расщепленное сознание, в свою очередь, находится в оппозиции к миру...» [3: 79].

В ранних стихотворениях Минского мотив двойничества используется поэтом для воссоздания внутреннего мира героя, раскрытия состояния постоянного сомнения и поиска. Наиболее ярко он представлен в стихотворениях «Мой демон», «Другу», «Он твердою рукой повел смычок послушный», цикле «Белые ночи».

Традиционный образ демона в стихотворении Минского предстает в облике сотоварища по молитвам, искателя истины. Он – часть души самого героя, назван «моим демоном», поэтому и выступает не как дух зла, а в качестве источника внутреннего соблазна, саморазрушения.

Стихотворения «Другу» и «Он твердою рукой повел смычок послушный» характеризуют судьбу художника в современном мире. И поэт, и музыкант, по сути, выступают как своеобразные двойники самого Минского. Через них поэт стремится осмыслить и свою функцию в этом мире. Первое из данных стихотворений позволяет воспринимать обращение к близкому по духу человеку, как диалог с самим собой. Начинается оно с ответа на предполагаемый вопрос или реплику, вызвавшую реакцию лирического героя. Названный только в заглавии неизвестный друг, по-видимому, пытается убедить героя в том, что реальный мир еще не так безнадежен, как полагает ответчик, что должна оставаться вера в настоящее и будущее. Герой утверждает в ответе своему воображаемому другу, что только печаль и страдания ведут к постижению истины. Люди не способны понять ее, они находятся в промежуточном состоянии между «гробом, полным праха и колыбелью пустой». Единственные, кому дано умение ждать, искать, стремиться к святыне, – это поэты. Только они связывают безнадежный и безбожный мир с миром вечности, бесконечной жизни. Вместе с тем героя гложет сомнение в собственных силах, о чем он прямо говорит своему собеседнику.

В цикле «Белые ночи» представлены разные формы двойничества. Они воплощаются в образах соратников по борьбе, голосов, теней. В «Ночи третьей» цикла «Белые

ночи» поэт визуализирует свое второе «я». Двойник выступает в качестве некой «воздушной тени», которая может быть понята как его собственная душа. К ней обращается герой, в ней видит собеседника. Ее «кроткая речь» направлена на смягчение его гнева и снижение градуса враждебности по отношению к окружающему миру. Герой не может согласиться с такой незлобивой позицией, он убежден: «нам без вражды невозможно любить». Но противоречие в мироотношении остается неразрешимым, что оставляет почву для усиления расщепленности сознания героя. Использование образа тени как двойника героя закономерно, так как она символизирует тайные стороны души. С точки зрения психологии тень – это символ неосознанных слоев личности, которые могут преобразоваться. Двойник в «Ночи третьей» представляет не темную сторону расщепленного сознания героя, а выступает как светлое, положительное начало, второе «я» героя, к которому он подсознательно стремится.

В «Ночи пятой» диалог со своим вторым «я» выражен с помощью прямой речи внутреннего двойника героя. Вступительная строфа стихотворения является как бы введением в разговор. Рефлексия героя последовательно передает позиции двух субъектов сознания. Один из них иронизирует и обличает, другой кается и оправдывается. Основную часть стихотворения занимает внутренний диалог расщепленного сознания героя. Мечущийся между голосами, воплощающими его собственное противоречивое сознание, герой находится в состоянии растерянности и поиска.

Следует отметить, что «Белые ночи» написаны в 1879 году, в период, когда Минский был полностью поглощен гражданской тематикой. Однако уже здесь лирический герой поэта явно находится на грани выбора, чувствует свое бессилие, которое в дальнейшем выльется в его произведениях в состояние глубокой подавленности. Глубоко переживавший сложное, переходное состояние общества, всеобщую растерянность и апатию, Минский психологически тонко передает эти настроения в своих стихотворениях. Используя внутренние монологи, самоанализ, образы двойников, мотивы сны, предлагая рефлексии героя в качестве сюжета, поэт достигает своей цели. Он передает состояние не только своего героя, но и целого поколения, судьба которого зависела от стремительно меняющейся действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы / Александр Борисович Есин. – М. : Просвещение, 1988. – 176 с.
2. Минский Н.М. Стихотворения. / Минский Николай Максимович. – СПб. : типография В.С. Балашева, 1887. – 248 с.
3. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Лёве [Пер. с нем. С. Броммерло, А.Ц. Масевича и А.Е. Барзаха]. – СПб. : Академический проект, 1999. – 512 с.